

— Второй молодой господин.

— Кхе-кхе...

Лю Мухань бредил, но, преодолевая беспмятство, всё же заставил себя разомкнуть веки.

— Не бойтесь, Хань-эр, я лекарь нашего ордена. Глава отправился на поиски редких снадобий, так что сегодня я сам займусь вашими ранами, — старый лекарь говорил едва слышно, боясь ненароком испугать юношу, и бережно помог ему приподняться.

После того как юноша получил раны, его оставили в прежней комнате. Солнце сюда почти не заглядывало: если в полдень здесь ещё сохранялось скудное тепло, то ближе к вечеру комната выстужалась, становясь сырой и холодной. Тело Лю Муханя покрывали многочисленные увечья, а тут ещё навалилась простуда. Жар то спадал, то возвращался вновь, и облегчение никак не приходило.

Старый лекарь, выждав, пока глава ордена Лю отвлечётся, тайком велел ученику приносить отвары. Благодаря этому Лю Муханю наконец стало немного лучше.

И всё же старик не находил себе места. Стоило главе уехать, как лекарь проскользнул в комнату, отослал приставленных для вида служанок и решил лично перевязать раненого, чтобы проверить, как идёт выздоровление.

Прислонившись к изголовью, Лю Мухань молча и внимательно наблюдал за лекарем.

— Старший молодой господин ранен чрезвычайно тяжело, — негромко заговорил старик, боясь, что юноша истолкует его молчание превратно и позже пострадает ещё сильнее. — Его энергетические меридианы едва уцелели, и этот полуразрыв причиняет ему невыносимые муки. Глава и госпожа Лю не отходят от его постели, супруга главы уже несколько раз лишалась чувств от безутешных рыданий.

Старик взгляделся в лицо юноши. Не заметив на нём ни тени обиды или зависти, он продолжил:

— Обычными средствами старшего молодого господина пришлось бы выхаживать года три, а то и все пять, да и то без надежды на полное выздоровление. Но если раздобыть чудодейственное снадобье, хватит и года. Глава ордена души не чаёт в старшем сыне, вот и отправился лично просить лекарство у дружественных школ. Отцовское сердце, что тут скажешь...

Старик мягко похлопал Лю Муханя по бледной руке:

— Второй молодой господин, вы ведь приёмный сын. Вам ни в коем случае нельзя перечить старшему брату или ссориться с ним. Иначе... боюсь, ваши собственные раны так никогда и не затянутся.

Раньше, осматривая Лю Муханя, лекарь всегда торопился, и лишь теперь, приглядевшись внимательнее, заметил под свежими порезами и кровоподтёками старые шрамы. Судя по всему, они оставались здесь годами, но лекарь о них даже не догадывался.

Хотя нет, кое-что он припомнил.

Два года назад, когда Лю Мухань только попал в орден Свободного скитания, его частенько приходилось лечить. Глава Лю тогда утверждал, будто мальчик натерпелся бед в странствиях и прибыл уже израненным.

Лекарь ещё тогда засомневался, заметив среди застарелых ссадин совершенно свежие следы побоев. Но после сурового нагоняя от главы ордена предпочёл держать язык за зубами.

С тех пор о ранениях второго молодого господина больше никто не заикался.

«Значит, всё это время правду тщательно скрывали»

Старик лишь покачал головой. Он достал из-за пазухи заветную мазь, которую берёг много лет, и принялся осторожно втирать её в потемневшие ушибы. С каждым прикосновением его пальцы невольно подрагивали.

Сколько же боли пришлось вынести этому ребёнку за закрытыми дверями?

Если глава ордена не собирался любить мальчика, зачем вообще забрал его и объявил приёмным сыном?

Да и в прошлый раз... Когда глава демонов потребовал выдать ему законного наследника ордена, Лю Чэнчжи приказал обрядить Лю Муханя в роскошные шелка и собственноручно отдал его палачу. Мальчику жестоко перебили энергетические меридианы, навсегда лишив возможности практиковать боевые искусства.

Старый лекарь размышлял об этом с горечью. Наверное, сказывался возраст — в голову всё чаще приходили крамольные, опасные мысли.

Очнувшись от раздумий, старик заметил, что за всё время, пока он обрабатывал глубокие раны, Лю Мухань не издал ни звука.

— Второй молодой господин, терпимо? — сочувственно спросил он.

— Не больно, — тихо отозвался юноша.

Лекарь лишь тяжело вздохнул. Сердце сжималось от жалости: откуда у ребёнка такая пугающая стойкость? Наверняка он уже выплакал все слёзы и понял, что звать на помощь бесполезно. Не больно? Глупости. Ему просто некому жаловаться на боль.

Побоявшись ранить душу мальчика расспросами, старик молча закончил перевязку. Затем велел ученику принести дымящуюся пиалу, лично напоил Лю Муханя горьким отваром и только после этого со спокойным сердцем ушёл.

Пользуясь тем, что главе ордена по-прежнему не было дела до приёмного сына, лекарь тайком навещал его ещё несколько раз. Накладывая повязки, он вполговоса пересказывал юноше последние слухи.

Однажды речь зашла о Лю Муфэне.

— Старший молодой господин пришёл в себя и сразу давай кричать, будто это вы его покалечили, — шептал старик. — Требуется мести. Глава ордена, щадя чувства едва оправившегося сына, поначалу во всём ему потакал. Но тот воспринял это всерьёз и несколько раз порывался встать, чтобы лично с вами расквитаться, отчего раны его снова открылись. Глава с огромным трудом раздобыл редкое снадобье, а старший молодой господин всё не унимался. В конце концов глава ордена знатно разгневался, и только тогда молодой барин притих.

— Дивно всё это. С чего бы старшему молодому господину так злиться именно на вас? Ведь дураку ясно: у вас энергетические меридианы разрушены, боевые искусства заброшены, как бы вы смогли сокрушить его внутреннюю силу? Те тяжелейшие травмы, что он получил, нанёс настоящий мастер.

— Но глава ордена так и не смог найти истинного виновника.

Спустя несколько дней лекарь пришёл с небольшим узлом.

— Второй молодой господин, старший молодой господин в последнее время поутих. Я поспрашивал людей и разузнал: оказывается, глава решил отослать вас прочь из ордена. Слово нашего господина — закон, раз уж он так постановил, вас заберут со дня на день. Я собрал здесь самые лучшие мази и притирки. Возьмите их с собой... Хотя дай бог, чтобы они вам больше никогда негодились.

Старик дал последние напутствия и собрался было уходить, как вдруг из-за спины донёсся тихий, но твёрдый голос:

— Дедушка, спасибо вам. Если судьба позволит, я обязательно отплачу за вашу доброту.

Лекарь замер. За всё время их общения он впервые услышал от Лю Муханя столь длинную

фразу.

Глаза старика повлажнели. Он мысленно обругал себя за собственное бессилие — ведь он ничем не мог облегчить долю этого несчастного сироты.

— Берегите себя, второй молодой господин!

На следующий день

— Дядя Ван, вверяю Хань-эра вашим заботам. Здоровьем он слаб, так что приглядывайте за ним получше.

Глава ордена Лю со скорбным видом смотрел на Лю Муханя, который стоял перед ним, прижимая к груди скромный узелок. На лице приёмного отца читалась неподдельная печаль расставания.

Дядя Ван поспешно замахал руками, засыпая господина поклонами:

— Что вы, господин глава, побойтесь неба! Для такого ничтожного слуги, как я, забота о втором молодом господине — величайшая милость. Будьте покойны, я костями лягу, но сберегу барчука, ни единой обиды ему не нанесу!

Рядом с мужем, хрупкая и бледная, точно ива на ветру, стояла госпожа Лю. Переноса разлуку с сыном с великим трудом, она безутешно рыдала.

Глава ордена бережно приобнял супругу, боясь сжать её слишком крепко.

В Поднебесной издавна слагали легенды о трепетных чувствах супругов Лю. За долгие годы их любовь не угасла ни на йоту: муж оберегал жену как величайшую драгоценность, сдувая с неё пылинки.

Любой случайный свидетель этой сцены непременно проникся бы сочувствием к их общему горю.

Лю Муфэн, видя отчаяние родителей, обнял их своими тонкими руками и разрыдался:

— Отец, матушка!..

Дядя Ван украдкой смахнул набежавшую слезу, до глубины души тронутый семейным

согласием.

Однако стоило ему перевести взгляд на Лю Муханя, как благоговение сменилось оторопью. Тот взирал на рыдающих родичей с леденящим равнодушием.

Старик поспешно опустил голову.

«Ван часто задумывался: Орден Свободного скитания столь велик и богат, неужто в нем не нашлось бы места для калеки? Какая разница, практикует мальчик боевые искусства или нет? Лишний рот, миска похлёбки в день — ради чего нужно было вызывать слугу из дальнего поместья и отсылать сироту с глаз долой?»

Теперь же, глядя на это каменное лицо, Ван начал понимать мотивы хозяина. Каким же бессердечным нужно быть, чтобы в столь скорбную минуту не проронить ни слезинки?

«Должно быть, главе просто осточертело изо дня в день видеть перед собой неблагодарного волчонка, которого сколько ни корми, он всё в лес смотрит»

Вскоре госпожа Лю, издав судорожный вздох, лишилась чувств.

— Дорогая! Любимая! — встревоженно воскликнул супруг. Поняв, что жена не приходит в себя, он подхватил её на руки и поспешил к жилым покоям.

Лю Муфэн бросился следом, на бегу захлёбываясь плачем:

— Матушка!..

У самого порога глава ордена на миг замер, обернулся и бросил на приёмного сына долгий, тяжёлый взгляд.

— Забирай его, Ван, — бросил он коротко.

С этими словами он швырнул слуге увесистый кошель с серебром и скрылся в глубине усадьбы, больше ни разу не оглянувшись.

Ван прищурился и, взвесив кошель на ладони, осторожно прощупал пальцами крупные слитки. Он удивлённо округлил глаза.

«Надо же, какая щедрость!»

Он уже и забыл, когда в последний раз держал в руках такое богатство. Он довольно

ухмыльнулся, и подобострастие тут же исчезло с его лица. Старик с наслаждением пересчитал добычу прямо через ткань.

Натешившись серебром, Ван грубо ухватил Лю Муханя за руку и потянул за собой.

— Ну всё, пошли. С этого дня ты больше не барчук. В малом загородном поместье тебе придётся гнуть спину в поле наравне со всеми. Дармоедов мы там не держим.

Юноша молча шёл следом, крепче сжимая свой узелок. С каждым шагом он оборачивался назад, провожая взглядом ворота ордена Свободного скитания, пока они окончательно не скрылись за пеленой дорожной пыли.

Заметив, как упирается мальчик, Ван лишь презрительно фыркнул:

— И не надейся. Если наш глава что-то решил, назад он не пойдёт. Раз сослал в глушь, значит, дороги обратно тебе нет. Забудь про орден Свободного скитания, нет здесь больше твоей доли. Ты никогда сюда не вернёшься, слышишь? Никогда.

«Никогда сюда не вернёшься...»

Эти слова тяжёлым эхом отозвались в сознании Лю Муханя.

«Что значит „никогда“? — юноша прикусил губу. — Это как с дедушкой-лекарем — уйти навсегда, чтобы больше ни разу не встретиться?»

Лю Мухань сделал глубокий вдох и высвободил руку из хватки Вана.

— Ты что удумал? Назад побежишь? — старик тут же ухватил его за воротник. — Заруби себе на носу: хозяин поручил тебя мне, и я костями лягу, но обратно не пущу! Только попробуй сбежать — мигом шкуру спущу, пеняй на себя!

Юноша медленно поднял на него взгляд. Он смотрел на него холодным и спокойным взглядом, лишённым всякого страха.

Ван невольно отпрянул и разжал пальцы.

Старик открыл было рот, собираясь разразиться новой бранью, но осёкся: Лю Мухань опустился на колени прямо в дорожную пыль.

У Вана перехватило дыхание от неожиданности.

«Это ещё что такое?..»

Не обращая внимания на остолебеневшего спутника, Лю Мухань склонился к самой земле.

Один земной поклон. Второй. Третий.

Когда он поднялся с колен, в его глазах больше не было ни тоски по покинутому дому, ни боли. Орден Свободного скитания и семья Лю исчезли из его сердца навек.

Старый лекарь часто говорил ему: «За каплю чужого добра плати бьющим из земли ключом». Глава ордена Лю и его супруга были его единокровными родителями. Пусть они отказались от него, вычеркнули из своей жизни, но кровную связь разорвать невозможно. Эти три земных поклона стали платой за то, что они подарили ему жизнь.

Отныне он оставался Лю Муханем, но с орденом Свободного скитания его больше ничего не связывало.

<http://bllate.org/book/18166/1746579>